

Русская поэзия сто лет назад

Первая половина 1913 года оказалась периодом, когда были созданы многие ставшие впоследствии известными произведения будущих гениев русской культуры. Вспомним некоторых из них.

Федор Сологуб

Федор Сологуб

Федор Сологуб — поэт скорее забытый, нежели известный. Имя его еще на слуху, а вот стихи не сразу вспоминаются. Хотя столетие назад он был одним из самых популярных и, несомненно, значительных писателей и поэтов России. В 1913 году ему исполнилось 50 лет, и он был, пожалуй, самым старшим по возрасту среди тех русских поэтов, которых мы относим к Серебряному веку, если иметь в виду поэтов, так сказать, первого ряда. К этому времени Сологуб успел окончить университет, десять лет проработать учителем в провинции, а потом и в Петербурге, издать два романа, несколько сборников рассказов и популярные «Политические сказочки», написать несколько пьес, шедших во многих театрах России, выпустить ряд поэтических сборников. Если сделать выборку из стихов, написанных поэтом в 1913 году — а мы поставили перед собой именно такую задачу, — можно напомнить строки, живущие в памяти, но как бы не имеющие автора: «Каждый год я болен в декаб-

ре, не умею я без солнца жить». Или вот эти строчки: «Стихия Александра Блока — метель, взвивающая снег. Как жуток зыбкий санный бег в стихии Александра Блока». Федор Сологуб был писателем и поэтом с ярко выраженной гражданской позицией. В его творчестве немало наблюдений, подобных этим: «Ты живешь безумно и поганю, улица, доступная для всех, — грохот пыльный, хохот хулигана, пьяной проститутки ржавый смех. Копшатся мерзкие подруги — злоба, грязь, порочность, нищета». Зафиксировав, так сказать, социальную болезнь, поэт задает вопрос и сам дает на него ответ: «Как возникнуть может в этом круге вдохновенно-светлая мечта? Но возникнет! Вечно возникает! Жизнь народа творчеством полна, и над мутной пеной воздвигает красоту всемирную волна». Судьба поэта была непроста, а в своем последнем — послереволюционном — периоде трагична. Но еще задолго до этого — до войны, революций и всего, что за этим последовало, — в мирном 1913 году поэт вглядывается в собственную жизнь:

*Беден дом мой пасмурный
Нажатым добром,
Не блестит алмазами,
Не звенит серебром,
Но зато в нем сладостно
Плакать о былом.*

*За мое убожество
Милый дар мне дан
Облекать все горести
В радужный туман
И целить напевами
Боль душевных ран.*

*Жизнь влача печальную,
Вовсе не тужу.
У окошка вечером
Тихо посижу,
Проходящим девушкам
Сказку расскажу.*

*Под окном поставил я
Длинную скамью.
Там присядут странницы —
Песню им спою,
Золото звенящее
В души их пролью.*

*Только чаще серая
Провлечется пыль,
И в окно раскрытое
На резной костыль
Тихо осыпается
Изжитая быль.*

Иван Бунин

К 1913 году, который мы приняли в этом очерке за точку отсчета, Бунин — уже знаменитый писатель, признанный мастер, академик Российской Академии наук по разряду изящной словесности, кавалер Золотой Пушкинской медали. Обращаясь к написанному Буниным в 1913 году, мы видим, что зачастую темами его стихов становились путевые впечатления: в этом году он много путешествовал по Европе, а зиму целиком провел на Капри. Отсюда и строчки: «Восемь лет в Венеции я не был», «Ночью в море крепко спать хотелось, измотало зыбью нашу барку, на носу — угодника Николу, на корме — малиновый фонарик». Но, как это часто бывает с русскими писателями, нежась в ласковых итальянских зимах, он вспоминает и свою Россию, ее фольклор («В чистом поле, у камня Алатыря, будит конь Святогора-богатыря») и ее зиму:

*Среди кривых стволов, среди ветвей корявых
Ползет молочный дым: окуривают сад.
Все яблони в цвету — и вот, в зеленых травах
Огни, как языки, краснеют и дрожат.
Бесцветный запад чист — жди к полночи мороза.
И соловьи всю ночь поют из теплых гнезд
В дурмане голубом дымящего навоза,
В серебряной пыли туманно-ярких звезд.*

Николай Гумилев

Николай Гумилев в 1913 году «перешел от символизма к акмеизму». За спиной — несколько сборников признанной лирики, а в прошедшем году у него и Анны Ахматовой родился сын Лев. О себе в этот период Гумилев написал в шутовском сонете: «У меня уже четыре книги, мальчик и жена — мои вериги. И не стану я писать сонет, любят только дети упражненья. Если я поэт, то без сомненья Вам на просьбы я отвечу “нет”». В этом году Гумилев пи-

Николай Гумилев

шет несколько «итальянских» стихотворений: «Из камня серого иссеченные вазы, и купы царственные ясени, и бук, и от фонтанов ввысь летящие алмазы, и тихим вечером баюкаемый луг» («Вилла Боргезе»), «Изгнанник бедный, Алигьери, стопой неспешной сходит в Ад» («Флоренция»), «Как будто вновь под ратью Ганнибала вздохнули скалы, слышен визг шакала и трубный голос бешеных слонов» («Тразименское озеро»), «Измучен огненной жарой, я лёг за камнем на горе, и солнце плыло надо мной, и небо стало в серебре» («На Палатине»). Вспомним здесь сонет, вызывающий задумчивое восхищение глубиной проникновения в метафизику бытия, прочувствованную и озвученную столетие тому назад:

*Понять весь мир какой-то странный сложным,
Огромною игрушкой сатаны,
Ещё не сделанным, где сплетены
Тьма с яркостью и ложное с неложным.*

*Суровый бард, в борьбе с невозможным
Любовь как знамя поднял ты, и сны
У розовой подслушал ты луны,
Что сердце девы делает тревожным.*

*Едва заслышим мы заветный звук
В твоём органе гулком и протяжном,
Смущается покой наш бледный, вдруг*

*Каким угрюмым явит мир и важным
Иоанна «Откровенья» голос нам
И вторит, кажется, его словам.*

Игорь Северянин

Современники, возможно, назвали бы 1913 год с точки зрения поэтической популярности

годом Игоря Северянина. Именно в этом году вышел его «Громокипящий кубок», принесший ему бешеную популярность, «повсеградную» славу и семь переизданий за два года. Тогда же начались его «поэзоконцерты», поэтические турниры и турне по всей стране. И хотя в сборник вошли стихи, написанные ранее 1913 года, фактом русской поэзии они стали именно в этом предвоенном году. Многие строчки остались символами эпохи, образцами поэтической речи того времени. Северянин выплескивал из себя «поэзы», «миньонеты», «интуитты», «героизы» и просто стихи, отличавшиеся безупречной музыкальностью и точностью формы, звучностью ритма и рифм, его строчки наполняли слова, отражавшие моду своего времени, и слова, составляемые им самим в безудержном стремлении добиться звучности и оригинальности: «Олунен ленно-струйный Нил», «Когда

Игорь Северянин

взвувалится фиоль, офлёря ручеек, берет Грасильда канифоль». Его не останавливало использование банальных рифм типа «гризетка — розетка» и «аксельбанты — адъютанты», порой он доходил до салонной бессмысленности и пошлости: «Вы оделись вечером кисейно и в саду стоите у бассейна... А когда придет бразильский крейсер, лейтенант расскажет Вам про гейзер. И сравнит... но это так интимно!.. Напевая нечто вроде гимна», «Котик милый, деточка! встань скорей на цыпочки, алогубы-цветики жарко протяни... В грязной репутации хорошенько выпачкай имя светозарное гения в тени», «Я, интуит с душой мимозовой, постиг бессмертия процесс». Он упивался сам и насыщал своих слушателей приметами времени: «Я в комфортабельной карете, на эллипси-

ческих рессорах, люблю заехать в златополдень на чашку чая в жено-клуб». Но среди буффонадной пышности слога иногда вкрапливались и несколько иные — содержащие более глубокие смыслы — слова: «Земля любит Солнце за то, что Солнце горит и смеется. А Солнце за то любит Землю, что плачет и мерзнет она», «Я одинок в своей задаче, и оттого, что одинок, я дряблый мир готовлю к сдаче, плетя на гроб себе венок». Из подобных фраз впоследствии прорастет поздний Игорь Северянин. Нельзя не вспомнить и самые, быть может, знаменитые строки этого года: «Мороженое из сирени! Мороженое из сирени! Полпорции десять копеек, четыре копейки буше», — и, разумеется, эпатажные: «Я, гений Игорь Северянин, своей победой упоен: я повсеградно оэкраанен! Я повсесердно утвержден!» Наконец, подлинным символом времени, можно даже сказать его «печатью», стала «Поэма-миньонет»:

*Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж...
Королева играла — в башне замка — Шопена,
И, внимая Шопену, полюбил ее паж.*

*Было все очень просто, было все очень мило:
Королева просила перерезать гранат,
И дала половину, и пажса истомила,
И пажса полюбила, вся в мотивах сонат.*

*А потом отдавалась, отдавалась грозово,
До восхода рабыней проспала госпожа...
Это было у моря, где волна бирюзова,
Где ажурная пена и соната пажса.*

Анна Ахматова

В 1913 году Анна Ахматова написала немало стихотворений. В Царском Селе родились такие строки, как «Все мы бражники здесь, блудницы», «Звенела музыка в саду таким невыразимым горем. Свежо и остро пахли морем на блюде устрицы во льду», «Прости меня, мальчик весёлый, что я принесла тебе смерть», «Я спою тебе, чтоб ты не плакал, песенку о вечере разлук», «И на груди моей дрожат цветы небывшего свиданья» — и многие другие. Наконец, шедевральное «Смятение» — тоже оттуда, из 1913 года:

*Было душно от жгучего света,
А взгляды его — как лучи.
Я только вздрогнула: этот
Может меня приручить.
Наклонился — он что-то скажет...
От лица отхлынула кровь.
Пусть камнем надгробным ляжет
На жизни моей любовь.*

Анна Ахматова

*Не любишь, не хочешь смотреть?
О, как ты красив, проклятый!
И я не могу взлететь,
А с детства была крылатой.
Мне очи застит туман,
Сливаются вещи и лица,
И только красный тюльпан,
Тюльпан у тебя в петлице.*

*Как велит простая учтивость,
Подошел ко мне, улыбнулся,
Полуласково, полулениво
Поцелуем руки коснулся —
И загадочных, древних ликов
На меня посмотрели очи...
Десять лет замираний и криков,
Все мои бессонные ночи
Я вложила в тихое слово
И сказала его — напрасно.
Отошел ты, и стало снова
На душе и пусто и ясно.*

Осип Мандельштам

У Осипа Мандельштама в 1913 году вышла первая книга стихов — «Камень». Это, конечно, еще не тот могучий мэтр, виртуозно играющий ассоциациями, ритмами, смыслами, аллитерациями, каким он станет в пору зрелости. Но уже в этом сборнике 22-летнего поэта видна и слышна его узнаваемая — «фирменная», «петер-

Осип Мандельштам

бургская» – интонация: «Кто, скажите, мне сознание виноградом замутит, если явь – Петра создание, Медный Всадник и гранит?», «В столице северной томится пыльный тополь, запутался в листве прозрачный циферблат, и в темной зелени фрегат или акрополь сияет издали – воде и небу брат», «Зимуют пароходы. На припеке зажглось каюты толстое стекло. Чудовищна, как броненосец в доке, – Россия отдыхает тяжело». А вот другие зарисовки: «Мелькают женщины в платках, и твякают дворняжки шалые, и самоваров розы алые горят в трактирах и домах». «Кинематограф. Три скамейки. Сентиментальная горячка», «Когда, пронзительнее свиста, я слышу английский язык – я вижу Оливера Твиста над кипами конторских книг». Но есть и иной Мандельштам 1913 года:

*От легкой жизни мы сошли с ума.
С утра вино, а вечером похмелье.
Как удержат напрасное веселье,
Румянец твой, о пьяная чума?*

*В пожатье рук мучительный обряд,
На улицах ночные поцелуи,
Когда речные тяжелеют струи
И фонари, как факелы, горят.*

*Мы смерти ждем, как сказочного волка,
Но я боюсь, что раньше всех умрет
Тот, у кого тревожно-красный рот
И на глаза спадающая челка.*

Марина Цветаева

У Марины Цветаевой в начале 1913 года вышел третий сборник стихов «Из двух книг», получив-

Марина Цветаева

ший не слишком высокую оценку публики. В мае 1913 года, в Коктебеле, стали рождаться уже иные строчки: «Я найду в своих стихах все, чего не будет в жизни», «Тающая легче снега, я была – как сталь» – а потом – уже в Москве: «Я метала бы в огонь прошлое – за пачкой пачку». Тогда, в Коктебеле, были написаны такие шедевры, как «Идешь, на меня похожий» и «Моим стихам»:

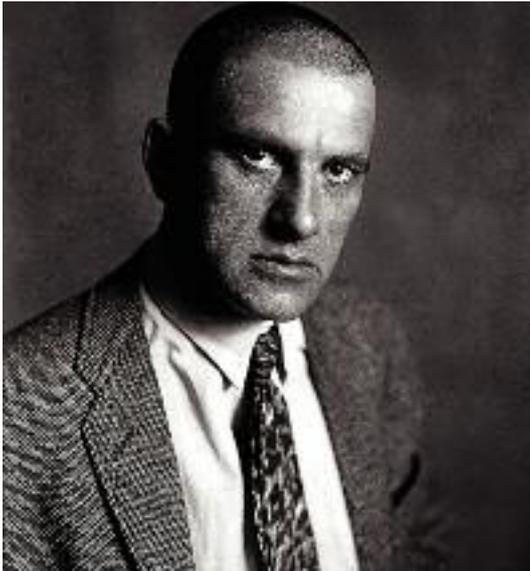
*Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,*

*Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти, –
Нечитанным стихам! –*

*Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.*

Владимир Маяковский

Владимир Маяковский ворвался в 1913 год с гениальными и знаменитыми строчками: «Я сразу смазал карту будня, плеснувши краску из стакана; я показал на блюде студня косые скулы океана. На чешуе жестяной рыбы прочел я зовы новых губ. А вы ноктюрн сыграть могли бы на флейте водосточных труб?» Да, друзья: этой флейте уже сто лет, а образ по-прежнему свеж и энергичен. А ведь в тот год поэтом было еще немало яркого сказано: «Я одинок, как последний глаз у идущего к слепым человека», «Земля! Дай исцелю твою

Владимир Маяковский

лысеющую голову лохмотьями губ моих в пятнах чужих позолот», «Вошел к парикмахеру, сказал — спокойный: “Будьте добры, причешите мне уши”», «Женщины, любящие мое мясо, и эта девушка, смотрящая на меня, как на брата, закидайте улыбками меня, поэта, — я цветами нашью их мне на кофту фата». Ну и, конечно же, знаменитое «Нате!» — тоже празднует столетний юбилей:

*Через час отсюда в чистый переулочек
вытечет по человеку ваш обрюзгий жир,
а я вам открыл столько стихов шкатулочек,
я — бесценных слов мот и транжир.*

*Вот вы, мужчина, у вас в усах капуста
где-то недокушанных, недоеденных щей;
вот вы, женщина, на вас белила густо,
вы смотрите устрицей из раковин вещей.*

*Все вы на бабочку поэтиного сердца
взгромоздитесь, грязные, в калошах и без калош.
Толпа озверевает, будет тереться,
ощетинит ножки стоголавая вошь.*

*А если сегодня мне, грубому гунну,
кривляться перед вами не захочется — и вот
я захохочу и радостно плюну,
плюну в лицо вам
я — бесценных слов транжир и мот.*

Сергей Есенин

Вспомним еще одно имя — Сергей Есенин. В 1913 году он еще не только не стал знаменитым, а даже не напечатал ни одного стихотворения: только на следующий год в журнале «Мирок» появятся его детские стихотворения. Однако сочинил он к тому времени уже немало, некоторые стихи станут впоследствии известными:

«Поет зима — аукает, мохнатый лес баюкает
стозвоном сосняка», «Выткнулся на озере алый
свет зари», «Хороша была Танюша, краше не
было в селе», «Заиграй, сыграй, тальяночка,
малиновы меха». А это стихотворение 1913 года —
тоже юношеское — вошло впоследствии в
школьные учебники русской литературы:

*Белая берёза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.*

*На пушистых ветках
Снежную каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.*

*И стоит берёза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.*

*А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.*

Сергей Есенин

Так вот. Взглянув на поэзию столетней давности, спросим себя, размышляющих сегодня о развитии: ну, так что? Смогли ли мы не то что пойти в своем поэтическом развитии дальше, а хотя бы «встать на плечи гигантов»?

Хронолог